

зүмительный, «темный и стропотный»,³⁵ что шло вразрез с неоднократными требованиями Петра I к переводчикам писать «внятно и хорошим стилем».³⁶ В результате произошло важное изменение в теоретической мысли: в соответствии с общим процессом секуляризации русской культуры разработка теории перевода переносится из области богословских сочинений на светскую литературу, историческую, политическую и научную прозу.

Предоставим опять слово переводчикам, которые после разобранных выше высказываний о стиле оригинала обосновывали свои принципы перевода.

Симон Кохановский, охарактеризовав стиль Юста Липсия, заключил предисловие словами: «Я в переводе сем не поработчен был помянутого автора штилю, но едино служил истинне, чтоб ниже мало была измененна сила и истинна истории, того ради сие предвозвещаю в преддверии последующих повестей, дабы кому не дивно было, что не слово в слово переведены, но смотрил бы, что самая истинная сила истории не измененна есть».³⁷

Феофан Прокопович объяснял Петру I свою задержку в переводе С. Фахардо тем, что «нужда бяше надолзе рассуждати, како би не всуе во изложении его трудитися. Аще бо бы тако его кто превести потщался, даби немало следов наречия его не остатися, была бы вещь отнюдь не уразуменная, стропотная и жестокая. Аще же бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковати восхотел кто, не было би то переводити, но свое новое нечто писати. Между сым убо и овым средствие некое держати тщахомся, но ныже тако мню удовлетворым желанию пресвет[лаго] величества вашего, отнюдь бо невозможно есть... всю темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сея».³⁸

А. Ф. Хрущев признавался: «Переводя искал как возможно, чтоб войтить во авторово мнение и чтоб ему следовать повсюду, не смотря на слова и речи французскаго языка, но толко смотрел как превесть наивернее и иностранных слов никаких не писал, чтоб вразумительнее было нашему языку и надеясь, что не толко ученые люди, но и простыя, кто читать умеет, могут разуметь без труда, потому что переводил я не от слова в слова, чтоб была французская книга на русском языке, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами».³⁹

³⁵ «Символы» С. Фахардо впервые были переведены в конце XVII в. неким «иноземцем Андреем Дикинсоном», которого проблемы стилистики, очевидно, не занимали, во всяком случае, предисловие переводчика отсутствует. А. И. Соболевский охарактеризовал язык перевода как «нескладный и неудобопонятный» (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 162). Это обстоятельство, вероятно, и побудило Петра I поручить вторичный перевод книги Феофану Прокоповичу.

³⁶ Пекарский П. Наука и литература в России..., с. 213.

³⁷ ГПБ, Ф. II. 48, л. 1 об.

³⁸ ГПБ, Ф. II. 67, л. 3 об.—4.

³⁹ ГПБ, собр. Соловецкое, № 1130/1240, л. 11.